

Сергей ТИХАНОВ

Сергей Тиханов родился в 1964 году в Новосибирске. Окончил филологический факультет Новосибирского педагогического института. Публиковался в журналах и альманахах «Дирижабль», «Стрелец», «Уральская новь», «Крещатик», «Черновик», «Футурум АРТ», в антологиях «Очень короткие тексты» (НЛО, 2000) и «Нестолличная литература» (НЛО, 2001). В 2020 году вышла книга «Страшные сказки». Предыдущая публикация в «Волге» – рассказы из цикла «Круглый год» (2024, № 9-10).

РАССКАЗЫ ИЗ РАЗНЫХ ЦИКЛОВ

Из цикла «Круглый год»

Но вот что интересно. Если от 8 января до 8 марта два месяца, то это целых два бесконечных месяца, с крепким чаем, прозой Бориса Пастернака и французскими черно-белыми фильмами шестидесятых годов. А если считать, например, от 8 июля и до 8 сентября, то получается тоже два месяца, но в этом случае всего два месяца, всего-навсего два месяца с одинаково длинными абстинентными закатами, два метафорических месяца, которые проходят очень быстро, так быстро, что...

Из цикла «Шоссе энтузиастов»

Когда-то, очень давно, едва начинался снегопад, он – тут как тут – сразу воображал себя отшельником, Хозяином хижины. И стоило только повалить снегу, как он хватал первую попавшуюся книгу японских дневников (других книг у него тогда не было), наскоро заваривал ужасный чай в термосе (другого чая в природе тогда просто не существовало) и бежал на вокзал, чтобы успеть уехать на электричке куда-нибудь подальше.

Он удивился бы своим желаниям и устремлениям того далекого времени, если бы было можно собрать со всего света и разом предъявить ему открытки, написанные им в тех поездках, пропахшие свежим снегом, с неточными цитатами, неясными аллюзиями и каплями горького чая.

Сегодня сильнейший снегопад настиг его в трамвае. Он как раз думал, что хорошо бы написать что-то о... московском конструктивизме. Чтобы там каким-то образом появлялись Сергей Эйзенштейн, Александр Родченко и Александр Лабас. И чтобы обязательно принимали участие женщины, реальные или выдуманные – неважно, но каждой женщине будет соответствовать определенный конструктивистский квартал или отдельно стоящее здание (Дом Наркомфина, например). Назвать все это можно коротко и просто: Шоссе энтузиастов. Писать, как обычно, на открытках или на листочках календаря. Человек, всю жизнь выбиравший для себя муравьиные тропинки, должен был писать именно так: на открытках, календарях и еще на опавших листьях в парке «Сосновый бор».

После обеда снег прекратился и даже выглянуло слабое новогоднее солнце. Он оказался в чистой комнате с покрашенным масляной краской полом. За тюлевыми занавесками угадывалась арка Бугринского моста и где-то там же, рядом, предполагалась одноименная роща, с которой у него было связано много всего разного. На кухне кто-то швырялся кастрюлями и громко чертыхался. Но все это было уже совсем не интересно.

Хавско-Шаболовский жилмассив

В тот такой короткий, но, безусловно, счастливый промежуток, когда он уже видел ползающих повсюду огромных черных круглых жуков, но еще не видел устрашающих лиц на стенах, как раз на Новый год, у него случился роман с женщиной, жившей в одном из конструктивистских домов на Шаболовке. Естественно, он сразу же назвал ее Царицей Хавской.

Спать он уже давно не мог, и когда Царица Хавская успокаивалась, мирно посапывая на скрипучей тахте, он уходил на кухню и там сидел до рассвета, прислушиваясь к холодному ветру и наблюдая движение ночных теней за окном.

Запах он тоже давно не чувствовал, и поэтому не мог сказать, как пахнет эта кухня. Может быть, у нее был несвежий, затхлый запах подвала или, наоборот, пахло чем-то праздничным – имбирным печеньем и ягодным чаем – он не знал. Но вкусы он пока разбирал и вкус поцелуев Царицы Хавской ему нравился. Вполне.

Из цикла «Обратный отсчет»

Совенок

В конце марта мама сшила игрушку «Совушка» и объявила, что теперь малышу нужно придумать имя, что совенок будет встречать его по вечерам и интересоваться, как он отработал и как себя самоочувствует... В другое время он, может быть, и умилился бы трогательному рукоделью, но сейчас ему было абсолютно не до этого: с каждым днем ему становилось все хуже, каждое движение, каждый шаг причиняли ему все больше и больше боли, ему было трудно внятно говорить и его мучило, что окружающие не могут этого не замечать, все чаще ему хотелось свернуться калачиком и где-нибудь спрятаться. Он с ужасом ждал, что вот-вот начнет рассыпаться сознание, но сознание или держалось или разрушалось очень медленно, почти незаметно, сам же он развинчивался все быстрее и быстрее. И тут появляется совенок, которому нужно давать имя и каждый день им восхищаться – ну совсем не вовремя. Но больше всего его резануло по сердцу то, что теперь несколько месяцев, может быть, даже лет, после трудного дня его будет ждать только существо из тонкого цветного фетра. Он оказался никому не нужен, и встречать его никто больше не будет – никогда.

Утром отец потребовал, чтобы он убирал из ванной комнаты полотенчико и зубную щетку, на полотенцесушителе нужно было освободить место для зимних ботинок. – Да у меня жопа чище, чем у тебя лицо! – кричал отец, брызгая слюной. Он захотел плакать. Но слез не было.

26 марта 2026

Из цикла «Жизнь в девятиэтажках»

Моцарт ждал меня

Когда мы спросили, как же так получилось, что он не прочитал ни одной книги Германа Гессе, он помрачнел, закурил, сделал хороший глоток крепчайшего чая из ковшика

и произнес: – Да, так уж вышло. Как говорится, что выросло – то выросло. Действительно, Сторож Сергеев приносил на Алтайку специально для меня синий томик «Избранного» с предисловием Сергея Аверинцева. Но только прочитать его у меня не получилось, в тот вечер я жестоко опешил. Книжку увидел Ромка Казуар, выхватил ее, стал скакать по всей караулке и орать, что непременно должен этого Гесса прочитать. Сторож Сергеев только руками развел – спорить с Ромкой Казуаром было бесполезно. Это все равно что возражать Дубровину в разговоре о театре «Красный факел», если еще не хуже. Причем мы оба знали, что книги читать, а в особенности немецкую философскую прозу, Казуар не станет. Зашвырнет «Степного волка» (в натуре смурня какая-то!) под ванну, и пролежит он там неизвестно сколько среди грязного белья. Ромка Казуар обожал слушать магнитофонные записи Михаила Жванецкого, а книжки читать – вот еще занятие, не для сильных духом людей, в которых постоянно сидит два кубика димедрола. Так все и получилось.

Немного помолчав, он продолжал: – Как вы справедливо заметили, я не прочитал ни одной книги Германа Гессе и даже примерно не знаю, в чем там суть и что происходит, но почему-то был уверен, что похождения Гарри Галлера заканчиваются словами «Моцарт, я иду к тебе». Так я и жил в таком вот заблуждении. И мечтал, что когда снова поеду к Мастеру Гансу, то pošлю ему открытку с этими словами. Вот так прямо и напишу: Моцарт, мол, иду к тебе. И вот незаметно прошло десять лет, и тут само собой сложилось, что я поехал в сторону Мастера Ганса. Встречаться с ним уже не особенно хотелось, но mail art, открыточки – это же святое, нужно было писать и отправлять. Я начал замечательный коллаж: использовал стихотворение Мандельштама «К немецкой речи» и изображение огромного готического собора. Но когда на всякий случай стал сверяться с первоисточником, оказалось, что «Степной волк» Германа Гессе заканчивается совсем другими словами, «Моцарт ждал меня». Так что коллаж я не закончил, открытку не послал, с Мастером Гансом не встретился.

– Словом, чай кончился, Араб-Оглы нет, жизнь не удалась, – закончил он, допив чай, – боюсь только, что эта путаница будет продолжаться еще очень долго!

В его словах звучала скрытая угроза, но ни к кому в отдельности он не обращался.

21, 22 июля 2026

Из цикла «Белая комната»

О том, что Аннушка купила подсолнечное масло, и не только купила, но и разлила, знают все, даже те, кто никогда не открывал Мастера. В этот день три года назад мы поступили проще: вовсе не стали его покупать. Может быть, просто забыли. А может быть, как мне хочется думать, торопились остаться вдвоем и такие обыденные вещи как души или подсолнечное масло были для нас в ту минуту совершенно лишними.

У меня кружилась голова, и совсем не потому, что я только начинал осваиваться в резидуальном периоде со всеми его прелестями, нет, она кружилась от близости с Вами, от радости узнавания Вас, от, не побоюсь этого слова, счастья.

Она и сейчас кружится.

27 мая 2026

Дня через два после второй и последней встречи в Белой комнате он спросил Маленькую разбойницу, какое мыло лежит у нее в ванной. – Aquatel, - машинально ответила она и тут же с подозрением уточнила, почему он это спрашивает. – Smell of you,

Baby, – ответил Синичкин и подумал, что когда-то мог свободно объясняться с людьми исключительно строчками из песен группы Rolling Stones, но неумеренным потреблением магического реализма довел себя до состояния, когда на ум приходили только строчки из детских стихотворений Валентина Берестова про кукол, плюшевых мишек и веселых матрешек.

31 июля 2026